

КОНЕЦ «КАРЬЕРЫ» СЕРГЕЯ ДЕГАЕВА: ПРИЗНАНИЕ ИЛИ РАЗОБЛАЧЕНИЕ?

DOI: 10.25629/НС.2018.06.03

ПАНЬКИНА М.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. г. Москва

Аннотация. Статья посвящена еще не изучавшемуся подробно сюжету из истории провокации в партии «Народная воля». Пробыв агентом тайной полиции около полугода, Сергей Дегаев отправился за границу, где его товарищам по партии стала известна его роль в последних массовых арестах. Источников, иллюстрирующих этот сюжет, имеется очень мало, они порой противоречивы, а исследователями они почти не критиковались. Единственный свидетель этого события, Лев Тихомиров, в воспоминаниях передает, будто предатель покаялся. В статье дается новая интерпретация случившегося, доказывається, что провокатор не признался в предательстве, а был разоблачен.

Ключевые слова: «Народная воля», провокация, Сергей Дегаев, Лев Тихомиров, разоблачение.

Провокатор и фактический руководитель партии «Народная воля» Сергей Дегаев был завербован жандармским подполковником Г.П. Судейкиным в декабре 1882 г. Из страха грозящей ему каторги, он стал виновником арестов огромного количества товарищей. Их волна захлестнула партию в конце зимы – весной 1883 г., все возрастала атмосфера недоверия в среде народовольцев, росли подозрения. Сложно сказать, понимал или нет это сам Дегаев. Некоторые современники впоследствии писали, что наверняка предатель чувствовал надвигающуюся грозу: «Дело в том, что, хотя петербуржцы продолжали относиться к нему с полным доверием, юг и в особенности Одесса были очень встревожены. Одесса совершенно прекратила сношения <...> Харьков очень осторожничал, Киев тоже. Питерцы не могли, конечно, догадываться, в чем тут дело, но все-таки Дегаев, в руках которого были все нити сношений, чувствовал все большее и большее недоверие со стороны провинциальных организаций и видел, что недалеко время, когда и питерцы заподозрят его, разоблачат с помощью южан и убьют» [20, с. 45].

Весной или в конце лета 1883 г. Сергей Дегаев отправился за границу, где заграничным товарищам стала известна его предательская роль. В качестве искупления Дегаев взял на себя обязательство убить инспектора секретной полиции, своего патрона подполковника Судейкина. Обстоятельства этого дела не так ясны, как кажется на первый взгляд. Исследователи в основном изучали этот сюжет в рамках обобщающих монографий, где он играл проходную роль, а потому деталям внимания почти не уделялось. Авторы, опираясь на воспоминания Льва Тихомирова, указывали, что Дегаев сам во всем сознался [2, с. 113; 3, с. 148, 13, с. 338-339; 18, с. 132; 19, с. 318; 21, с. 74]. Мне хотелось бы представить свое видение произошедших событий.

Василий Сухомлин вспоминал, как в начале весны 1883 г. «отец моего друга и товарища Анны Марковны Гальперин, рассказал ей, что их родственник, состоящий поставщиком интендантства, угощал ужином нужных ему военных чиновников. На ужине присутствовал один полковник, приехавший на время в Одессу из Николаева. Этот полковник, подвыпив, рассказал об арестах офицеров в Николаеве, а затем конфиденциально сообщил, что от жандармского полковника Катанского узнал, что офицеры эти преданы Дегаевым, которому был устроен фиктивный побег и которому николаевские офицеры оказали гостеприимство. Принимая во внимание, что заподозрить интендантского подрядчика или полковника во лжи не было никакого основания, и, взвесив некоторые другие обстоятельства, например, странную экспансивность жандармов, сообщившим чуть ли не всем городовым, участвовавшим в розысках, фамилию бежавшего и пр., мы бесповоротно решили, что узнали безусловную истину. Я, – писал Сухомлин, – в тот же день, конечно, без указания источников получения сведений, сообщил

узнанное в Париж Саловой и в Харьков по адресу местной группы. Из Харькова в ответ получилось чуть ли не ругательное письмо, что стыдно-де клеветать на лучших представителей партии. <...> От Саловой был получен совет прекратить всякие сношения с другими организациями в виду наступившей смуты. Мы поняли, что она нам поверила» [15, с. 87].

Этот эпизод описала в воспоминаниях и Екатерина Тетельман (Серебрякова – фамилия мужа). «В мае или июне месяце 1883 г. отец Анны Сухомлиной [девичья фамилия – Гальперин. – М.П.] передал нам, что он виделся с каким-то полицейским чиновником, и тот, будучи немножко выпивши, признался, что побег Дегаева был подстроен, и что все рассказы о нем распространяли только для того, чтобы придать ему более правдоподобности и скрыть следы. Мы с Анной, хотя и сообщили об этом некоторым из наших сотоварищей, между прочим и Даниловичу, который принимал участие в укрывательстве, Дегаева вместе с Крайским и Стратоновичем. Но вера и уважение наше к Дегаеву были таковы, что сообщению этому как заведомо провокационному мы не придали никакого значения» [14, с. 67-68].

Оба рассказа совпадают в главном: какой-то полицейский чиновник «проболтался» о подстроенном побеге Сергея Дегаева. С этого момента и начинаются сомнения и подозрения. Приехавший в Одессу из Киева В. Бычков делился своими мыслями с Серебряковой: «Арест Веры Николаевны, а затем взятие типографии «Народной воли» в Харькове почему-то вызывают недоверие к Дегаеву, и что где бы он ни участвовал – там провалы» [14, с. 67].

Сомнения подтолкнули Тетельман, тогда уехавшую в Швейцарию, рассказать обо всем Тихомирову. В Морнэ, где он жил, ей придется встретиться лично и с самим Сергеем Дегаевым. Обстоятельства этих двух разговоров она передавала так: «Поговоривши обо всем, я ему [Тихомирову] рассказала, как было условлено перед отъездом с моими товарищами, наши подозрения о Дегаеве. Во время моего рассказа он волновался и прерывал. Наконец он вышел из себя, топнул ногой и сказал: «Я шестнадцать лет знаю этого человека [Это ошибка. Тихомиров мог знать Дегаева около шести лет. – М.П.]. Это верный товарищ, преданный революционер, а вы возводите такие ужасные обвинения». Через два дня получила телеграмму из Морнэ от Тихомирова, в которой он просил меня немедленно приехать.

Вошла. Тихомиров стоит у стола. На диване сидел человек среднего роста, несколько плешистый, с не особенно симпатичным лицом.

[Тихомиров]...указывая на сидящего человека, сказал:

– Дегаев – Екатерина Александровна.

Я удивилась, что он не говорит Дегаеву моей фамилии, да и вообще меня поразила эта встреча. Дегаев привстал и поздоровался со мной.

– Екатерина Александровна, расскажите, в чем обвиняют и подозревают его. <...>

– Мы знаем, что вам полиция помогала бежать. Мы знаем, что Вера Фигнер арестована благодаря вам, а что Меркулов был вызван для отвода глаз. Мы знаем, что в Киеве и Харькове типографии были раскрыты тоже благодаря вам. Офицеры Крайский и Стратонович арестом своим тоже обязаны вам. О том, что они помогли скрыться вам после бегства из тюрьмы кроме вас, их и еще одного (почему-то я не хотела упомянуть Даниловича), никто не знал. Тут он меня прервал:

– Это они сами болтают.

– Неправда! – крикнула я. – Не только они объясняют свой арест вашим предательством, но и другие офицеры, арестованные в Петербурге и других городах.

– Все это ложь. Несомненно, болтовня и предательство в среде офицеров.

– Как вы смеете это говорить?! – вскрикнула я не своим голосом.

Дегаев ничего не ответил» [14, с. 67-69].

Лев Тихомиров, единственный свидетель «признания» Дегаева, вспоминал, что предатель приехал к нему как ни в чем ни бывало. Они провели несколько дней в разговорах, но вдруг

«он – может быть, неожиданно для самого себя – прервал мои расспросы. «Слушайте, - сказал он, – не будем играть в прятки. Расскажу вам начистоту всю правду, а тогда судите меня. Отдаюсь на вашу волю. Что скажете, то и сделаю»» [17, с. 390].

Нельзя не заметить очевидного: два приведенных эпизода (воспоминания Тихомирова и Серебряковой) никак не коррелируются друг с другом. Тихомиров пишет, что Дегаев рассказал все сам, Серебрякова – что она его разоблачила. Трудно поверить, что последняя от начала и до конца выдумала эту историю, кроме того, даже если на секунду допустить, что с Тихомировым она не виделась и Дегаева не разоблачала, сомнения южных организаций должна была передать Неонила Салова, которая тогда жила за границей и которая поверила товарищам в России. Удивительно, что в своей автобиографии [22, стб. 402] Салова говорит, что о предательстве Дегаева она узнала уже после убийства Судейкина, что Мария Ошанина «берегла» ее. Это кажется сомнительным, как она могла быть не в курсе того, что происходило фактически у нее на глазах, ведь она тогда жила за границей?

Почему в своих воспоминаниях Тихомиров не упоминает об этих событиях? Он не пишет даже о сомнениях южных организаций, в то время как Ошанина, узнав все это от Саловой, не могла не сообщить ему об этом. Да, воспоминания писались Тихомировым спустя много лет, понятно, что могут иметь место ошибки памяти. Однако трудно поверить, что этот фактически поворотный момент в судьбе «Народной воли» Тихомиров забыл. К возможной разгадке нас приближает так называемое покаянное письмо Александру III, написанное Тихомировым в 1888 г. Там он представляет этот период своей жизни как время, когда он уже хотел уйти из политики и дел «Народной воли», но для этого не было возможности, «обстоятельства оказались сильнее моих желаний. Приехавший ко мне из России Сергей Дегаев, не знаю, почему и для чего, сознался, что он состоит агентом полк[овника] Судейкина, которому и предал всех революционеров с их планами и организациями» [16, с. 299]. То есть этот сюжет он описывает так же, как в воспоминаниях. По всей видимости, он был просто скопирован Тихомировым из письма в воспоминания (к их написанию он приступил в 1918 г. [17, с. 18]). Вероятно, Тихомиров понимал: если писать императору, что он почти отошел от дел партии и затем сразу рассказывать длинную историю о том, как происходило разоблачение провокатора, как он своим решением фактически обезглавил политический сыск в России, то ему просто не будут доверять. Ведь такое поведение никак не говорит о неучастии в делах «Народной воли». В таком случае он уже не жертва обстоятельств, а инициатор.

Но почему, в таком случае, и в воспоминаниях, которые писались им гораздо позже, он не изобразил реальное положение вещей? Полагаю, что Тихомиров намеренно исказил ситуацию. Он манипулирует материалом, в воспоминаниях представляя себя человеком, который остался один на один с предателем, человеком, которому не с кем было поделиться тем, что он узнал, не у кого было просить совета и он должен был принять решение единолично.

Мне представляется, что и Тихомиров, и Салова намеренно умолчали о многих важных деталях дегаевского «покаяния» потому, что хотели таким образом откреститься от участия во всей этой истории. Они понимали, к каким серьезным последствиям для партии это привело, возможно, это некая попытка избежать ответственности. Кроме этого, свою роль сыграло и желание народовольцев рисовать в своих воспоминаниях лишь героические страницы жизни организации, по возможности затушевывая, отодвигая в тень печальные эпизоды народовольчества.

При этом Тихомиров говорит, что спустя короткое время о разоблачении провокатора узнал небольшой круг лиц: он называет только себя и Ошанину, чуть позже обо всем узнали Салова, Караулов и Герман Лопатин [17, с. 397]¹. Конечно, среди них не могло не быть Серебряковой, Сухомлина... В России же о том, кем был на самом деле Дегаев, лишь догадывались, да и то, небольшое количество людей. Фактически около 4 месяцев, прошедших до убийства Судейкина 16 декабря, народовольческие организации по всей России находились в неведении. Вполне естественно, что после 16 декабря они не могли этого простить «заграничникам».

Понятно, что решение относительно дальнейшей судьбы провокатора нужно было принимать как можно скорее, потребовалось бы время, чтобы собрать для этого товарищей. Но ведь пусть и небольшой круг лиц все-таки вскоре узнал о провокаторе. То есть возможность отложить единоличное принятие решения была. Тихомиров ею не воспользовался, он предпочел проявить авторитарность, что отнюдь не было характерной чертой народовольческой организации. А ведь поведи себя Тихомиров иначе, вероятно, ему не пришлось бы ощущать на себе ответственность за дальнейшее разложение партии. Эта авторитарность – удивительная примета последнего периода существования «Народной воли», и в этой истории она проявилась особенно ярко.

До сих пор невыясненным до конца является вопрос о дате покаяния или разоблачения Дегаева, а также – о количестве его поездок за границу.

Сам Тихомиров пишет, что ему кажется, это было начало 1883 г., возможно март, «не могу припомнить» [17, с. 387]. Е. Тетельман пишет, что уехала за границу 23 августа и разоблачила предателя. Интересно, что в памятной книжке Тихомирова этот визит обозначен 13-м сентября: «Была Катерина Александровна» [16, с. 203]. По всей видимости, именно тогда она встречалась с Тихомировым и разоблачила Дегаева.

Историк Ф.М. Лурье впервые привлек воспоминания Е. Тетельман в качестве источника. При этом он считал, что на очной ставке она на Дегаева только надавила («он все отрицал» [9, с. 294]), а уже потом последовало его «покаяние» [9, с. 201]. Мне кажется необходимым уточнить, что то, как эту очную ставку с предателем описала сама Тетельман, его реакция, вряд ли говорит о том, что после разоблачения Дегаев пытался всерьез что-то отрицать.

Но подобный временной разброс не может не вызвать сомнений: может быть было две поездки? Одна, как пишет Тихомиров, в марте, другая – в конце лета–осенью, как пишет Тетельман.

Если поверить этой версии, получается, что, «покаявшегося» провокатора Тихомиров отпустил в Россию под честное слово, то есть до убийства Судейкина 16 декабря он находился на свободе и без чьего-либо надзора более полугодом... А потом, когда осенью на его глазах провокатора разоблачили, Тихомиров сделал вид, что шокирован этой новостью. Этой версии придерживаются современные исследователи А.В. Репников и О.В. Милевский [12, с. 159]. Сложно не указать на этическую сторону этой ситуации, на выказанное Тихомировым пренебрежение к жизням товарищей по партии. Слово «двусмысленность», используемое указанными исследователями в данном контексте, кажется мне явным преуменьшением.

Есть два источника, которые могут служить подтверждением версии о двух поездках: автобиография Германа Лопатина и «Календарь «Народной воли»».

Зачем нужна была Дегаеву вторая поездка за границу, если признался он еще во время первой? Лопатин объяснял это так: Тихомиров с Ошаниной «потребовали убийства Судейкина. Он обещал, уехал и затянул дело в долгий ящик, продолжая, однако, свою «службу». Те погрозили «пропечатать» его за границей; он прискакал к ним в сентябре, дал новые обещания, уехал и снова стал тянуть дело» [8, с. 14]. Необходимо сказать, что сведения Лопатина – информация из вторых рук, он не был непосредственным свидетелем этих событий, знал о них только понаслышке, да и формальным членом партии не был. О провокации он узнает только осенью 1883 г.

Кстати, народовец Иван Попов, отмечает, что о двух поездках слышал только от Германа Александровича, а ему самому кажется, что всю весну и лето Дегаев никуда не выезжал [11, с. 113].

«Календарь «Народной воли»» был задуман и впервые издан в 1883 г. Л. Тихомировым и В. Иохельсоном [5], затем переиздавался в 1898 г. [6]. Оба эти издания специально мной были просмотрены, они идентичны по своему содержанию. В интересующем меня разделе «Месяцеслов» указаны события вплоть до 1883 г., даже арест Веры Фигнер 10 февраля 1883 г. не вошел в этот документ. В третьем издании «Календаря» 1930 г. [7], события в котором доводятся до середины 1890-х гг. (этим изданием и пользуются А.В. Репников и О.В. Милевский), поездка Дегаева к Тихомирову и его признание отнесены к 15/27 мая [7, с. 269], любопытно, что здесь нет упоминаний о второй поездке предателя за границу.

Восстановим картину провалов в России в этот период: конце апреля – мае 1883 г. Дегаевым были выданы сношения арестантов Петропавловской крепости с волей [2]. А приблизительно в конце мая – начале июня 1883 г. – харьковская типография [4]. Очевидна логическая нестыковка: если Дегаев действительно был у Тихомирова 15/27 мая и покался, значит, он выдал связи, затем покался, а после – выдал типографию. Сложно в это поверить.

Сведения «Календаря» не ставятся современными биографами Тихомирова под сомнение. Но третье издание составлено Кружком народолюбцев при Обществе политкаторжан. Внесенные в него дополнения – гораздо более поздние. Поскольку о поездке Дегаева знал только Тихомиров, дату этого события, тем более столь точную, мог бы указать только он. А членом Общества политкаторжан после своего ренегатства в 1888 г. Тихомиров, конечно, не был [10].

Исследователи темы практически единодушно [1, с. 113; 3, с. 148; 13, с. 338-339; 18, с. 132; 19, с. 318] относят «покаяние» Дегаева к маю 1883 г., ничем, однако, не подтверждая свою мысль. По всей видимости, эта установка берет начало от работы В.Я. Богучарского, хотя и он источника этой информации не называет. Вероятно, уже оттуда, подкрепленная автобиографией Лопатина, она перекочевала и в «Календарь «Народной воли»» 1930 года издания.

Итак, на мой взгляд достоверность «Календаря», по крайней мере в этом вопросе, вполне можно поставить под сомнение.

При всем при этом Тихомиров, указывая в воспоминаниях время признания провокатора, тем самым утверждает, что о провокации он знал больше полугода и скрывал эту информацию от народолюбцев в России. Казалось бы, ему гораздо удобнее было написать, что Дегаев ему «сознался» в конце августа-начале сентября, на это справедливо обращают внимание А.В. Репников и О.В. Милевский [12, с. 160]. Дать этому какое-либо объяснение затруднительно. Вероятно, Тихомиров как автор воспоминаний был совершенно равнодушен к тому, какое мнение о нем составят его бывшие соратники, в любом случае, для них он уже был ренегатом.

Кроме этого, есть разные мнения о том, с какой целью ехал за границу Дегаев. Народолюбец Михаил Шебалин полагает, как говорилось выше, что Дегаев испугался разоблачения и решил тайно уехать и сознаться во всем сам. Тихомиров же пишет, что Дегаев ехал «за границу, конечно, не для такого самозаклания, а для того, чтобы и заграничных народолюбцев опутать полицейскими сетями», в частности, заманить самого Льва Александровича на германскую территорию, где он тотчас был бы арестован [17, с. 390]. Мне представляется, что версия Тихомирова больше похожа на правду, тем более, что Судейкин уже отправлял за границу для установления связей с народолюбцами своего «агента» – Владимира Дегаева, младшего брата Сергея. Трудно поверить, что провокатору удалось бы уехать тайно от Судейкина. Помимо этого, я убеждена в том, что Дегаев не мог покаяться, он понимал, что за его деяния ему грозит смерть, которой, естественно, он боялся, да и вообще, не был мужественным человеком [23, с. 282-284]. А покайся он собственноручно подписал бы себе смертный приговор.

Таким образом, я полагаю, что Дегаев был именно разоблачен за границей товарищами по партии, а не принес покаяние, как это представил Л.А. Тихомиров, и произошло это в начале сентября 1883 г.

Примечание.

1. Относительно Германа Лопатина Тихомиров пишет неправду, он разоблачил Дегаева позже самостоятельно, уже оказавшись в России. В своей автобиографии Лопатин писал, что «они не посмели сказать ему правды из опасения, что он, из нравственной брезгливости, отшатнется навек от группы, среди которой мог зародиться и существовать так долго такой ужасный политический разврат» (Лопатин Г.А. Автобиография. Показания. Письма. Статьи. Стихотворения. П., 1922. С. 14). Поразительный поступок – посылать человека, который формально даже не был ничем связан с партией, в Россию, зная, что там действует провокатор, и не сообщить ему об этом.

Литература:

1. Богучарский С.Я. Из истории политической борьбы в 70-80-х годах XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы, гибель. М., 1912.
2. Венедиктов Д. Петропавловская крепость и Сергей Дегаев (к вопросу о сношениях арестованных Трубецкого бастиона с волей) // Каторга и ссылка, 1931, №3.
3. Волк С.С. Народная воля. 1879-1882. М.-Л., 1966.
4. ГА РФ. Ф. 102 (7 дел-во. 1884 г.). Оп. 181. Д. 747 ч. 3.
5. Календарь «Народной воли» на 1883 год. Женева, 1883.
6. Календарь «Народной воли» на 1898 год. Женева, 1898.
7. Календарь «Народной воли» / «Народная воля» в документах и воспоминаниях / Под ред. А.В. Якимовой-Диковской, М.Ф. Фроленко, И.И. Попова и др. М., 1930.
8. Лопатин Г.А. Автобиография. Показания. Письма. Статьи. Стихотворения. П., 1922.
9. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992.
10. Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1929.
11. Попов И.И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. 1924.
12. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.
13. Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.
14. Серебрякова Е.А. Встреча с Дегаевым // Былое, 1924, №25.
15. Сухомлин В.И. Из эпохи упадка партии «Народная воля» // Каторга и ссылка, 1926, №3.
16. Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003.
17. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2005.
18. Троицкий Н.А. Дегаевщина // Вопросы истории, 1976, № 2.
19. Тун А., Шишко Л.Э. История революционного движения в России. 1903.
20. Шебалин М.Г. Петербургская народовольческая организация в 1882-1883 гг. / Народовольцы после 1 марта 1881 года. М., 1928.
21. Шерстюк М.В. Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения. 2011.
22. Энциклопедический словарь. М., Гранат, 1923. Т. 40.
23. Шебалин М. Летучая типография «Народной воли» в 1883 г. // Былое, 1907, №1. С. 282-284.

Панькина Мария Андреевна. E-mail: mariapankina92@yandex.ru.

Дата поступления 24.05.2018

Дата принятия к публикации 10.06.2018

THE END OF "CAREER" SERGEI DEGAEV: THE RECOGNITION OR THE EXPOSURE?

DOI: 10.25629/HC.2018.06.03

PAN'KINA M.A.

Moscow state University named after M. V. Lomonosov. Moscow

Abstract. The article is devoted to the plot from the history of provocation in the party "Narodnaya Volya", which has not been studied in detail yet. After being an agent of the secret police for about six months, Sergei Degaev went abroad, where his party mates became known for his role in the last mass arrests. Sources illustrating this story, there are very few, they are sometimes contradictory, and the researchers are almost not criticized. The only witness to this event, Lev Tikhomirov, in his memoirs reports that the traitor has repented. The article provides a new interpretation of the incident, it is proved that the provocateur is not admitted in treason, and was exposed.

Keywords: "Narodnaya Volya", provocation, Sergey Degaev, Lev Tikhomirov, exposure.

References:

1. Bogucharskii S.Ya. *Iz istorii politicheskoi bor'by v 70-80-kh godakh XIX veka. Partiya "Narodnoĭ voli", ee proiskhozhdenie, sud'by, gibel'* [From the history of political struggle in the 70-80-ies of the XIX century. "Narodnaya Volya" party, its origin, destiny, death]. Moscow, 1912.
2. Venediktov D. [Peter and Paul fortress and Sergey Degaev (the question of the relations of prisoners of Trubetskoy Bastion with the will)]. *Katorga i ssylka*, 1931, №3. (In Russ.).
3. Volk S.S. *Narodnaya volya. 1879-1882*. Moscow- Leningrad, 1966.
4. GA RF. F. 102 (7 del-vo. 1884 g.). Op. 181. D. 747 ch. 3.
5. Kalendar' «Narodnoi voli» na 1883 god [Calendar "Narodnaya volya" for 1883]. Geneva, 1883.
6. Kalendar' «Narodnoi voli» na 1898 god [Calendar "Narodnaya volya" for 1898]. Geneva, 1898.
7. Kalendar' «Narodnoi voli» [Calendar "Narodnaya volya"]. «Narodnaya volya» v dokumentakh i vospominaniyakh ["Narodnaya volya" in documents and memories]. In A.V. Yakimovoi-Dikovskoi, M.F. Frolenko, I.I. Popova (eds). Moscow, 1930.
8. Lopatin G.A. *Avtobiografiya. Pokazaniya. Pis'ma. Stat'i. Stikhotvoreniya* [Autobiography. Indications. Letters. Articles. Poems]. Petrograd, 1922.
9. Lur'e F.M. *Politseiskie i provokatory* [Police and provocateurs]. Saint Petersburg, 1992.
10. *Politicheskaya katorga i ssylka. Biograficheskii spravochnik chlenov obshchestva politikatorzhan i ssyl'noposelentsev* [Political hard labor and exile. Biographical directory of members of the society of political leaders and exiles]. Moscow, 1929.
11. Popov I.I. *Minuvshĕe i perezhitoe. Vospominaniya za 50 let* [The past and the experiences. Memories for 50 years.]. 1924.
12. Repnikov A.V., Milevskii O.A. *Dve zhizni L'va Tikhomirova* [Two lives of Leo Tikhomirov]. Moscow, 2011.
13. Sedov M.G. *Geroicheskii period revolyutsionnogo narodnichestva* [The heroic period of revolutionary populism]. Moscow, 1966.
14. Serebryakova E.A. *Vstrecha s Degaevym* [Meeting with Degaev]. *Byloe*, 1924, no. 25. (In Russ.).
15. Sukhomlin V.I. *Iz epokhi upadka partii "Narodnaya volya"* [From the era of the decline of the party "Narodnaya volya"]. *Katorga i ssylka*, 1926, no. 3. (In Russ.).
16. Tikhomirov L.A. *Vospominaniya* [Memory lane]. Moscow, 2003.
17. Tikhomirov L.A. *Teni proshlogo* [Shadows of the past]. Moscow, 2005.
18. Troitskii N.A. *Degaevshchina. Voprosy istorii*, 1976, no. 2.

19. Tun A., Shishko L.E. *Istoriya revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii* [History of the revolutionary movement in Russia]. 1903.

20. Shebalin M.G. Peterburgskaya narodovol'cheskaya organizatsiya v 1882-1883 gg. [St. Petersburg "Narodnaya volya" organization in 1882-1883.]. *Narodovol'tsy posle 1 Marta 1881 goda* ["Narodnaya volya" after March 1, 1881]. Moscow, 1928.

21. Sherstyuk M.V. L.A. *Tikhomirov: obretenie religioznogo mirovozzreniya* [L. A. Tikhomirov: finding a religious worldview]. Moscow, 2011.

22. Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopaedic dictionary]. Moscow: Granat, 1923. Vol. 40.

23. Shebalin M. Letuchaya tipografiya "Narodnaya volya" v 1883 g. [Flying printing house "Narodnaya volya" in 1883]. *Byloe*, 1907, no. 1, pp. 282-284. (In Russ.).

Pan'kina Mariya Andreevna. E-mail: mariapankina92@yandex.ru.

Date of receipt 24.05.2018

Date of acceptance 10.06.2018